

Пунченко О. П. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Украины Одесской национальной академии связи им. А. С. Попова.

УДК: 165.9:165.744

ПОСТИЖЕНИЕ СМЫСЛА ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

В статье объясняется необходимость исследования истории человечества, поскольку в ней содержатся ответы на социальные проблемы, волнующие науку и сегодня. Анализируются основные концепции о смысле исторического процесса, смысл истории раскрывается через целенаправленную деятельность предшествующих поколений.

Ключевые слова: история человечества, смысл, постижение, культура, социальное познание.

ОСЯГНЕННЯ СЕНСУ ІСТОРІЇ ЛЮДСТВА У ДЗЕРКАЛІ ФІЛОСОФСЬКОЇ ДУМКИ

У статті з'ясується необхідність дослідження історії людства, оскільки вона містить у собі відповіді на соціальні проблеми, які хвилюють науку і сьогодні. Анализуються основні концепції відносно смислу історичного процесу, смисл історії розкривається через цілеспрямовану діяльність попередніх поколінь.

Ключові слова: історія людства, смисл, осягнення, культура, соціальне пізнання.

COMPREHENSION OF THE SENSE OF HUMAN HISTORY IN THE MIRROR OF PHILOSOPHIC MIND

The necessity for research of the history of mankind is explained in this article as it contains the answers on the social problems disturbing science even today. Basic concepts of the essence of the historical process are analyzed, the meaning of history is revealed through the purposeful activity of previous generations.

Key words: human history, meaning, comprehension, culture, social cognition.

Введение. Исследование истории человечества на всех этапах развития социально-гуманитарного знания выступало в качестве неотъемлемой составляющей его содержания. С древнейших времен человечество пыталось проникнуть в суть минувших событий, понять минувший исторический процесс. Наука о прошлом — не каталог великих людей, не список дат событий, не «история непрерывных убийств людей в древние времена» (как определил свою профессию школьный учитель Ярослава Гашека). Это не любовное копание в музейной пыли и не нигилистический «суд потомков» под девизом «достойно гибели все то, что существует». Не жизнь должна служить истории, а история — жизни. А для этого она должна восстановить для нас то, что все еще актуально: образ мышления и миропонимания людей прошлого, инструментарий формирования и развития культурных ценностей, способ отношения к миру и к себе, конкретнее — их способ жизни, сугубо человеческий.

Обращаясь к истории, исследователь строит образ прошлого, опираясь на сложившиеся интеллектуальные схемы, на привычные и понятные ему ценности и идеалы общественной жизни. И «это не случайно — постижение истории нужно человеку не само по себе, в ней он ищет ответы на вопросы, волнующие людей сегодня» [1, с. 266]. Знакомство с чужим опытом, будь-то опыт наших соседей по планете или опыт ушедших веков, обогащает нас, позволяя находить неординарные, непривычные пути для решения наших жизненных задач — потому как важно, чтобы этот опыт был богат и разнообразен. Этому и служит философия истории как особый вид рефлексии в структуре философского знания.

Цель статьи. Обосновать практическую необходимость и значимость исследования истории человечества для понимания проблем современной цивилизационной динамики.

Основная часть.

Анализ сложившихся в истории концептуальных моделей прошлого позволяет отметить в качестве общего то, что в них переплетены объективная истина и социальный миф; реально существующее и ускользнувшее желаемое; объективная детерминация и субъективные интенции, потребности, интересы и ценности; рациональность и иррациональность; традиции и новации,

явления психики и постулаты идеологии. История философии предстает в этих концептуальных моделях как особая реальность, формирующаяся на базе научной интуиции, интуиции истории, как некоего целого. Это сфера взаимопонимания и противоборства, сомнений и верований, убеждений и отчаяния, четкости логики и смутности подсознания, ясных целей и архетипов, нравственных императивов и морального нигилизма.

Различные модели прошлого так или иначе воспроизводят духовную синергию истории человечества и пытаются весь позитив прошлого реконструировать для современности, открывая в нем неведомые грани. Вооружившись этой методологической установкой, историк прежде всего обращается к конкретному материалу прошлого, зная, что ни одна цивилизация не оставила в стороне проблему исторического пути своего развития. Анализ общественной мысли Древнего Востока (Индия, Китай), Древнего Запада (Греция, Рим, Галлия, Франция, Германия), а также цивилизаций латиноамериканского континента — ацтеков, инков, майи, хопвеллов и других, описанная их современниками, позволяет утверждать об их особенном и уникальном пути развития. Об этом свидетельствуют не только теоретические описания фактов жизни этих народов, но и оставленное богатое практическое наследие в виде различных артефактов. И несмотря на это наследие, процесс познания истории человечества сложен. Любое познание истории является малой долей непознанного и неизвестного. История человечества — это океан непознанного, неисследованного. На закате своей жизни И. Ньютон сказал, что я не знаю, что будут думать обо мне грядущие поколения; но я сам представляюсь себе ребенком, который на берегу океана нашел несколько выброшенных на сушу раковин, тогда как сам океан во всей своей неизмеримости и неисследованности по-прежнему стоит перед его взором, как великая неразгаданная тайна.

В этом океане истории фоном нашего знания выступает неизвестное, которое нельзя отождествлять с непостижимым. Все неизвестное существует для того, чтобы быть хотя бы относительно познанным. Поэтому не следует отождествлять непознанное с непостижимым. Невозможно достичь абсолютной ступени познания истории, но то, что познано в ней, дает толчок пытливому уму обществоведов к познанию следующей ступени исторической сущности. Но в этих ступенях и Вольтер (который ввел в обиход понятие «философия истории»), и И. Г. Гердер (работа «Идеи о философии истории человечества») занимаются выяснением наиболее существенных проблем эпох. Однако наиболее концептуальное понимание содержания этого термина обнаруживается у Г.-В.-Ф. Гегеля. В своем спецкурсе «Философия всемирной истории» он представил всеобщую историю человечества, начиная с первобытных цивилизаций. «В соответствии с этим философским подходом история была поднята, — отмечает Р. Дж. Коллингвуд, — на более высокую ступень и, в отличие от чисто эмпирической, т. е. устанавливающей факты, стала философской историей, понимающей их, познающей причины того, что эти факты произошли именно так, как они произошли» [2, с. 110].

В своей же концепции объяснения истории человечества Р. Дж. Коллингвуд отмечает, что она есть итог усилий человека, действующего в соответствии с запросами своей жизненной практики. Отмечая данную особенность механизма социального развития, Р. Дж. Коллингвуд считает, что деятельность, в процессе которой человек создает свой постоянно изменяющийся мир, свободна. Помимо самой этой деятельности, нет иных сил, которые управляли бы ею, модифицировали ее или же заставляли принять то или иное направление, создать мир одного типа, а не другого. Но это отнюдь не означает, что человек волен поступать, как ему заблагорассудится, делать все по своему желанию. Он вынужден смотреть в лицо фактам в той ситуации, в которой он очутился. Для человека, собирающегося действовать, ситуация оказывается господином, оракулом, богом. Окажутся его действия успешными или нет, зависит от правильности понимания им той ситуации, в которую он поставлен. Свобода истории заключается в том, что цепи принуждения накладываются на деятельность человеческого разума не кем-то посторонним, а им самим [2, с. 301–303].

Философский экскурс в развитие философии истории связан со смещением направленности его проблемного поля. «Если для классической истории философии среди самых обсуждаемых были проблемы статуса истории как науки и примыкающая к ней тематика онтологических вопросов исторического процесса, то для современной философии истории основными стали вопросы вариативности исторического знания и связанная с ними проблематика повествовательного характера исторического дискурса» [3, с. 136]. Сегодня широко обсуждаются в философии истории линейные и нелинейные модели исторического развития. Но развиваются они на принципе аккумуляции в себе всего исторического опыта, накопленного человечеством разнообразных путей и форм его развития, что позволяет сквозь «призму» истории человечества в целом осознать и понять место,

направленность и смысл исторических событий, процесс вступления человечества в «фазу» цивилизационного бытия.

История человечества как целое, уникальное образование, не может быть понята вне познания ее базисных ценностей, т. е. отдельных ее фрагментов, а также постоянного сопоставления исторической целостности с узловыми моментами развития различных моделей цивилизаций. Вместе с тем, «взгляд на человеческую историю, — утверждает К. Ясперс, — ведет нас к тайне нашего человеческого бытия, ибо к чему я принадлежу, во имя чего я живу, все это я узнаю в зеркале истории» [4, с. 53]. Действительно, эта история есть особое, социально-ценностное и смысловое отражение противоречивого пути развития человечества. Вне исследования этой истории нельзя дать объективную оценку тем социальным флуктуациям, которые сопровождали ее движение к последующим социальным фазам бытия.

Для познания истории человечества в ее собственной сущности необходима обработка большого массива источников, знание которых помогает воспроизвести ее каркас. Знание исторического пути развития человечества — это и учет прошлых негативных флуктуаций, и фактический материал, на основе которого социально-гуманитарное знание прогнозирует свой будущий путь развития и на основе которого появляется возможность раскрыть смысл истории. В этой связи К. Ясперс писал: «Мы стремимся понять историю как некое целое, чтобы тем самым понять и себя. История является для нас воспоминанием, о котором мы не только знаем, но в котором корни нашей жизни. История — основа, однажды заложенная связь с которой мы сохраняем, если хотим не бесследно исчезнуть, а внести свой вклад в бытие человека. Историческое воззрение создает ту сферу, в которой пробуждается наше понимание природы человека» [4, с. 280].

Анализ смысла исторического процесса, утверждает К. Ясперс, предполагает понимание истории как единого целого, а это в свою очередь требует ответ на вопросы: «Что есть история?» и в «Чем заключается ее единство?». История — это не природа, неосознающая себя, это — история людей, наделенных сознанием. Они должны прежде всего хранить и приумножать веками сложившиеся традиции, поскольку это часть великой человеческой истории. «Исторический процесс может чередоваться, если мы забудем о том, чего мы достигли, или если достигнутое нами на протяжении жизни исчезнет из нашей жизни. Даже почти бессознательная стабильность образа жизни и мышления, сложившаяся в силу привычки и само собой разумеющейся веры, стабильность, которая повседневно формируется всей совокупностью общественных условий и как будто коренится в самых глубинах нашего существования, начинает колебаться, как только меняются общественные условия. Тогда повседневность порывает с традицией, утрачивается исторически сложившийся этос, привычные формы жизни распадаются и воцаряется полнейшая неуверенность» [5, с. 172].

Постижение истории в ее целостности и максимально доступной человеку глубине совершенно необходимо ему для обретения своего человеческого достоинства, «ибо, только увидев внутренним взором десятки, сотни предшествующих поколений, связанных друг с другом трудом, свершениями, подвигами, страстями, ошибками и подобным, можно по-настоящему понять современную эпоху, оценить ее» [1, с. 283].

Однако, философия истории изобилует рядом концепций, когда авторы придерживаются противоречивого мнения относительно знания прошлого. Так, Ф. Ницше считал, с одной стороны, что избыток исторического знания вредит жизни, ибо боязнь последствий мешает человеку что-либо предпринимать. С другой стороны, он показал, какие уроки можно извлечь из истории, кроме тех, которые ранее считались важными. В одной из своих работ «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм» Ф. Ницше возрождает, а точнее, воспроизводит духовный мир древних греков, опыт их трагического представления о жизни и преодоление этой трагедии с помощью искусства и мифов. Он приходит к выводу, что в наследии эллинов можно почерпнуть способ видения мира (мифологический), способ отношения к жизни, искусство жить и искусство умирать. Это все то, что может научить нас сегодня. Следовательно, история должна служить для жизни.

Несомненно, искусство жить — понятие многоуровневое, поскольку в человеке пересекаются круги его бытия: космический, антропобиологический, психологический, социально-культурный, круг Возвышенной экзистенции. Следовательно, и искусство жить отражает в своей целостности всю совокупность форм общественного бытия.

Конечно же, подлинное знание истории, не сводящееся к перечислению отдельных фактов или конструированию исторических мифов, ставит перед нами зеркало, в котором мы, видя прошлое, лучше понимаем свою собственную природу. Познавая историю, мы познаем самих себя, так как деяния наших предков являются, составляющими компонентами нашего собственного бытия.

Исследование истории человечества включает в свое содержание обязательное выяснение ее смысла. Смысловое значение исторического процесса раскрывает нам целенаправленность деятельности предшествующих поколений. История имеет смысл, если у нее есть цель. Если цель отсутствует, эволюция человечества лишена смысла. Цель не только истории, но и любой деятельности, выступает в качестве духовной ценности. Поэтому можно утверждать, что смысл истории означает ее целенаправленность на какие-то ценности, то есть, как считал К. Ясперс, единство есть цель и смысл истории. Оно возникает из того, что люди в состоянии понять друг друга в мире духа. «Единство вырастает из смысла, к которому движется история смысла, который придает значение тому, что без него было бы в своей разбросанности ничтожным» [5, с. 172].

Такую позицию К. Ясперса о единстве цели и смысла истории разделяет и С. Л. Франк, утверждая, что бессмысленность человеческой истории вне цели есть не что иное, как отражение бессмысленности жизни отдельной личности. «Личная жизнь каждого из нас теряла бы всякий смысл: ибо эта жизнь, будучи неразрывно вплетена в жизнь общечеловеческую, неизбежно должна была бы разделить бессмысленность последней. Если достижения жизни каждого из нас не суть отправные или опорные точки для дальнейших достижений наших детей и будущих поколений, если все достигнутое нами может исчезать бесследно, никому не пригодившись, то не имеет смысла хлопотать и заботиться о чем бы то ни было; и нам осталось бы только предаться той мудрости отчаяния, которая выражена в циничном лозунге «*carpe diem*» (лат. — «лови момент!»)» [6, с. 447].

На необходимость изучения истории для определения современного состояния развития общества, а также для прогнозирования его будущего указывает и К. Левит. «Историческое событие, — пишет он, — тоже отсылает к чему-то вне самого себя, поскольку действие, его вызвавшее, нацелено на нечто, в чем смысл реализуется как цель. А поскольку история есть временное движение, замысел должен предстать как цель, лежащая в будущем. Отдельные события или последовательность событий, даже если они полны значения для человека, как таковые не наполнены ни смыслом, ни целесообразностью. Наполнение смыслом — дело осуществления, которое предстает в будущем» [7, с. 263].

Можно согласиться с К. Левитом, что исторические события необходимо изучать с позиций не наполнения, а выяснения их смысла. Любое событие истории наполнено целесообразностью и смыслом. Другое дело, как мы раскодировали этот смысл, какую долю субъективного привнесли в смысл.

Обоснованию смысла истории человечества и ее классификации посвящено много социально-философских и религиозных концепций. Но в целом все их можно разделить на две основные группы:

- 1) религиозно-философские концепции;
- 2) рационально-научный способ постижения истории человечества и ее смысла.

Религиозное истолкование направленности и смысла человеческой истории впервые было предложено Августином Аврелием (V век н. э.). Предлагая периодизацию человеческой истории, он выделяет этапы не по сменяющимся монархиям, как это было принято в его время, а в соответствии с крупными духовными сдвигами, описанными в Ветхом и Новом Заветах. Он выделяет шесть крупных эпох, сопоставляя их с шестью днями творения. Шестой эпохой является время возникновения и распространения христианства, которое и обеспечивает осмысленность истории. Отсюда он делает вывод, что смысл мировой истории приобрел свою целенаправленность с преображением мира на основе его христианизации. Эта точка зрения получила широкое распространение в культуре и стала основой мощной философской традиции. В рамках этой периодизации углубился и расширился смысл истории человечества. В концентрированном виде эта традиция нашла отражение в религиозно-идеалистических концепциях В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и других исследователей.

Что же касается второй группы концепций — рационально-научного способа постижения истории, то ее можно обнаружить в работах В. С. Барулина, Г. С. Батищева, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальсона и других. Их концепции преломляют свое содержание через деятельность человека. Так, В. С. Барулин считал, что историю человечества и ее смысл необходимо рассматривать не столько в призме движения от эпохи к эпохе, от одного общественного устройства к другому, сколько в призме как растет и развивается человек — действительное богатство общественной истории. А Г. С. Батищев отмечал: «Общественная история не имеет в конечном итоге иного смысла, кроме развития субъекта, т. е. кроме развития «сущностных сил» самих человеческих индивидов» [8, с. 93].

Почему же история человечества обретает направленность на бытие субъекта, а не развивается в каком-то другом направлении? Дело в том, что история — это деятельность человека,

его судьба. История не может не развиваться так, чтобы все больше служить человеку, чтобы его превращать в самоцель общественной жизни. «Не только люди делают историю, — отмечали В. Келле и М. Ковальзон, — а история делает людей. Более того, история приобретает смысл, если она раскрывается как история собственного развития человека» [9, с. 45]. Следовательно, развитие человека, как глубочайший смысл истории имманентно ей самой, ее механизмам развития.

Но во всех вышеуказанных концепциях красной нитью проходит тезис, что без знания человеческой истории нельзя объективно оценить ни настоящее ее развитие, ни тем более прогнозировать будущее. Однако, отношение к прогнозу будущего развития человечества противоречиво. С одной стороны, это связано с отрицанием смысла истории, а с другой — отрицанием наличия в истории законов и закономерностей ее развития. Так, К. Поппер однозначно утверждает, что «история смысла не имеет» [10, с. 311]. Единственное, что доступно человеку — это привнести в историю свой субъективный смысл, упорядочить хаос исторических событий силой своего рассудка. Такое решение проблемы равносильно признанию бессмысленности общественной жизни людей, так как «смыслов» может быть ровно столько, сколько имеется познающих субъектов. Тем самым смысл истории радикальным образом устраняется.

Что же касается прогнозирования будущей человеческой истории, то К. Поппер считает, что прогнозировать будущее, предвидеть пути социального развития нельзя, поскольку в этом случае, исследователю необходимо знать вечные и неизменные законы истории. Но есть ли такие законы социального развития, которые являлись бы аксиомой для всех времен и народов. И он утверждает, что таковых нет. Сравнивая исторические науки с теоретическими, он считает, что отсутствие интереса к универсальным законам ставят исторические науки в трудное положение. «Ведь бесспорно, что история, не принимающая никакой точки зрения, невозможна... история должна быть избирательной, чтобы не задохнуться от избытка пустого и бессвязного материала.

Думаю, из этого затруднительного положения есть только один выход — сознательно, заранее, ввести в историю установку на избирательность, то есть писать такую историю, которая нам интересна» [10, с. 29]. Прагматизм дает установку считать истинным то, что полезно, а в истории К. Поппер дает установку на избирательность, т. е. описывать то, что мне интересно. Никаких принципов, законов и закономерностей из этой установки на избирательность установить нельзя. А ведь история человечества — это объективный, закономерный, противоречивый процесс.

И прав Н. С. Розов, утверждая, что в истории есть и универсальные законы, и локальные. «Универсальные законы для всех человеческих сообществ должны быть конкретизированы в (локальных) законах среднего уровня, которые не только различны для разных сообществ, но и могут меняться со временем для каждого отдельного сообщества... Переход от одних локальных законов к другим сам должен быть объяснен законами более высокого уровня» [11, с. 55–70]. Это задача современной философии истории.

Выводы.

Исследование истории человечества — это тот интеллектуальный инвариант гуманитарного знания, вне познания которого теряются возможности объяснения современного и будущего развития человечества. В настоящее время необходим интеграционный подход к анализу мировой истории, который учитывал бы поступательно-стадиальный характер ее развития. Необходимо исследование четкой хронологии бытия этих стадий, а также определение их временных рамок существования многомерности их бытия, сложности и уникальности их культур и цивилизаций. Только в этом случае можно представить исторический процесс во всем многообразии его характеристик и вариативности исторического развития, а также в обосновании перспектив цивилизационного развития. Формирование глобальных проблем заставляет человечество все более глубоко осознавать свое единство и общность мировой истории.

Во второй половине XX века, когда в ряде стран завершилось строительство индустриального общества, достаточно четко обозначились интеграционные тенденции в развитии мировой истории, точки взаимодействия и взаимовлияния существующих цивилизаций. В этой связи, замечает К. Ясперс, теперь проблемой и задачей человечества стал мир в целом с его противоречиями. Сегодня происходит всестороннее преобразование истории человечества, и, как показывают эти преобразования, противоречия не просто решаются, а даже имеет место открытое их углубление. Сегодня эти проблемы приобрели мировое значение, при этом коренным образом меняя наши представления о социальном прогрессе и гуманистических ценностях.

© Резанов Д. А.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Кирвель Ч. С., Романов О. А. Социальная философия / Ч. С. Кирвель, О. А. Романов. — Минск: «Вышэйшая школа», 2011. — 495 с.
2. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. — М.: Наука, 1980. — 486 с.
3. Яскевич Я. С., Лукашевич В. К. Философия и методология науки / Я. С. Яскевич, В. К. Лукашевич. — Минск: БГЭУ, 2009. — 475 с.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М.: Республика, 1992. — 528 с.
5. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс. — М., 1991. — 511 с.
6. Франк С. Л. Свет во тьме / С. Л. Франк // Духовные основы общества. — М.: Республика, 1992. — 511 с.
7. Левит К. О смысле истории / К. Левит. — М., 1995. — С. 73–144. — (Философия истории. Антология).
8. Батищев Г. С. Деятельная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии. — М.: Наука, 1969. — 299 с.
9. Келле В. Теория и история / В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон. — М.: Политиздат, 1981. — 290 с.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. — М.: Феникс, 1992. — Т. 2. — 448 с.
11. Поппер К. Нищета историзма. Критика пронатуралистических доктрин // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 29.
12. Розов Н. С. Возможность теоретической истории // Вопросы философии. — 1995. — № 1. — С. 55–70.

Резанов Д. А. — аспирант кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского».

УДК: 821.161.1'06 – 1.09 Брюсов: 101.1

**СУБЪЕКТЫ НОЧИ И ДНЯ В РУССКОМ СИМВОЛИЗМЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ В. Я. БРЮСОВА)**

Ключевая дихотомия процесса субъективации на ночную и дневную фазы обнаруживается в поэзии раннего русского символизма как лирическое познание-переживание (в смысле В. Дильтея). Ночная фаза оказывается основополагающей, дневная — производной.

Ключевые слова: фазы субъективации, мифология момента, метеопоезия.

**СУБ'ЄКТИ НОЧІ І ДНЯ В РОСІЙСЬКОМУ СИМВОЛІЗМІ
(НА МАТЕРІАЛІ ПОЕЗІЇ В. Я. БРЮСОВА)**

Ключова дихотомія процесу суб'єктивації на нічну і денну фази виявляється в поезії раннього російського символізму як ліричне пізнання-переживання (у сенсі В. Дильтея). Нічна фаза виявляється основною, денна — похідною.

Ключові слова: фази суб'єктивації, міфологія моменту, метеопоезія.

**NOCTURNAL AND DIURNAL SUBJECTIVITY IN RUSSIAN SYMBOLISM
(ON THE MATERIAL OF V. Y. BRYUSOV'S POETRY)**

Key dichotomy of nocturnal and diurnal phases in the process of subjectivation is revealed in the poetry of early Russian symbolism as lyric cognition-experience (in sense of W. Dilthey). Nocturnal phase appears to be fundamental, diurnal — the derivative one.

Key words: phases of subjectivation, mythology of instant, meteorpoetry.

Русский символизм был литературно-философским движением всемирно-исторического значения, и его духовное содержание (с очевидными условностями выделяемое из лирической формы) до сих пор «говорит» как России, так и миру так же, как немецкий романтизм «говорил» через национальный дух Германии всей европейской культуре XIX века. Он может быть воспринят